

СТУДЕНТЫ УРГПУ О ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ УРАЛЬСКИХ ПОЭТОВ

История любви: Игорь Сахновский. «Письмо из Екатеринбурга»

«Антология современной уральской поэзии» открыла новые горизонты в поэзии Уральского региона. В. Кальпиди словно составил мозаику, частями которой стали не только уже известные и любимые поэты, но и те, кто только начинает творить. Пролыстывая страницы Антологии, радуешься, что на Урале литературная жизнь охватывает все больше интересных и талантливых людей, что литературный процесс не застывает на месте, а набирает силу. Антология – это многообразие тем, проблем, имен, эмоций и чувств.

Среди множества знакомых и новых имен «Антологии», я не могу не отметить ставшего уже известным Игоря Сахновского. В последнее десятилетие Сахновский отдает предпочтение прозе, которая становится одной из самых читаемых не только в нашей стране, но и за ее пределами, поэтому немного неожиданным оказалось его имя в «Антологии». С читателями он делится своим «Письмом из Екатеринбурга».

Образ города оказывается и величественным: «этот город разводит мосты, эпигонским величием болея», и в то же время, жалким: «он слизнуть по-школярски готов образ Питера», «...реки в придачу мостов здесь – раз два и обчелся». Противоречивый образ города дан в первых строках, его «черствое» подражание Петербургу, его обманчивый облик отталкивает и пугает, но стоит взглянуть и «если разнимешь туман» – откроется совсем другой облик города.

Вторая часть стихотворения начинает историю «двух семейных», для которых Основинская роща открывает небольшой рай. Сюжет движется от пространства, где город «разводит мосты», к частному случаю, к частной истории о том, как к свободе стремятся два несвободных человека. Но свобода их «умещается только в груди». Для этих героев радость, блаженство, благодать возможны лишь на несколько часов («с восемнадцати тридцати к двадцати одному успевая»), после которых рай превращается в обыденность, где могут разгадать их тайную связь и, с одной стороны – это страх, «страшная близость конца», но с другой, это возможность быть счастливыми («приурочена к праздничной дате»). Для них этот город разводит мосты, для них этот город возможность быть счастливыми, но счастье – это полная свобода.

Название «Письмо из Екатеринбурга» готовит читателя к откровенному разговору. Письмо – личные, тайные переживания о происходящем вокруг героя, о том, что происходит в мире. Самую простую, обыденную историю Сахновский рассказывает с глубинным смыслом.

Алена Уссова, магистрант

Аллея поэзии: стихотворение Сергея Ивкина «Имена»

В библиотеку имени меня...

Роман Тягунов

Мы всем деревьям дали имена.
Шурша листвою в сумерках с работы,
мы говорили с каждым: «Вот те на!
а мы и не узнали сразу кто ты».

Не Дантовская выставка искусств,
а души выходили из тумана.
Взьерошенный веселый тощий куст
мы окрестили именем Романа.
Ему махали: «Здравствуй, Тягунов»
(его кора была почти горячей
и дольше всех зеленое руно
на нем держалось на углу со Стачек).

Там были и Блаженный, и Парнок,
обэриуты между гаражами,
горел на Бродском золотой веноч,
К. Р. и Блок друг другу руки жали.
Глазков стоял, невзрачен и сутул
(секретный часовой Поэтограда),
и Решетов ладони протянул
над детским садом.

Клен Мандельштам пер сквозь кирпич стены,
Ахматова глядела на витрину...
Но не было рябин и бузины,
чтобы одну из них назвать Марина.

Немые собеседники в снегу,
и не осталось никаких эмоций,
но вот уже два года не могу
идти пешком к метро по Краснофлотцев.

Сергей Ивкин занимает значимое место в плеяде уральских поэтов. Его меткий взгляд на мир Евгений Степанов в статье «Молодая уральская поэзия: Сергей Ивкин» объясняет принадлежностью поэта к поколению «перестройки»: «К моменту своего взросления, вступления в юность они уже могли читать любые книги, пользоваться культурным бэграундом России и зарубежных стран. Это поколение образованных, начитанных поэтов, хорошо знающих что и как было сделано в поэзии до них и поэтому не изобретающих литературный велосипед. Они аккумулируют культуру, собирают ее и не делают даже попыток совершить верификационные революции», – полагает критик¹. Получается, по мнению автора статьи, Сергей Ивкин не вносит принципиально нового в поэтический мир, а лишь проецирует опыт предыдущих поколений писателей. Опровергая это мнение, рассмотрим стихотворение Ивкина «Имена», которое вошло третий том «Антологии современной уральской поэзии».

Эпиграфом к стихотворению «Имена» послужила строчка из известного стихотворения другого уральского поэта Романа Тягунова. Великих поэтов автор сравнивает с деревьями. Их поэтический дар – расцвет, их смерть – погружение деревьев под снег, «и не осталось никаких эмоций». Показана, на первый взгляд, обыденная ситуация – прогулка героя по городу, во время которой вспоминаются великие поэты и их значение, причем их образы всплывают, как «души выходили из тумана», постепенно: от современного Тягунова, далее – к Бродскому, обэриутам и к поэтам Серебряного века. Сквозь обыденную обстановку «между гаражами» и метро; появляются символы великой культуры, в «золотом венке», «сквозь кирпич стены».

Просторечное и ироничное «Вот те на!», «пёр сквозь кирпич стены» соседствует с именами Мандельштама, Ахматовой, Решетова, Блока, но они – лишь «немые собеседники в снегу», уже без эмоций. Нет эмоций, потому что они ушли из жизни, или потому что не выжили бы в современной культурной среде? Вопрос не имеет однозначного ответа. И все, что они могут – это укоризненно качаться, как деревья. В другом стихотворении Ивкин пишет: «Да я выжил вот в этой культуре журавлиной почти что на треть перепало на собственной шкуре в невозможное небо смотреть (это темное небо отвесно)». Не поэтому ли герой стихотворения «уже два года» не может ходить «пешком к метро по Краснофлотцев»? Необычно в этом стихотворении сочетание точной топонимики (реальные названия екатеринбургских улиц, станции метро), ботанически-точно названных пород деревьев, которые действительно растут вдоль улицы Краснофлотцев, и отвлеченных раздумий о судьбах русской поэзии в XX веке.

Ивкин пишет в рамках силлабо-тонической системы, в его стихотворениях нет эпатажной и кричащей лексикой, но от этого они не становятся менее злободневными и яркими. Это создается, в первую очередь, благодаря выразительной образной системе. Образ деревьев в стихотворении «Имена» перекликается с тополем из стихотворения «Воробьиные боги», где у дерева герой четко различает «сердца голос гулкий».

Сергей Ивкин не слепо следует классической традиции. Эта яркая личность имеет особый взгляд на мир и свою манеру его выражения. Стихи его иногда просты по форме, обыденны образы, но содержание их задевает, заставляет задуматься.

Мария Васенькина, магистрант

¹ Степанов Е. Молодая уральская поэзия: Сергей Ивкин // Зинзивер. – 2011. – № 9 (29).

«Рассеянным недаровитым рядом...»: образ Слова в стихотворении Т. Титовой (Нижний Тагил)

Рассеянным недаровитым рядом
Гремит моя неконченная речь.
Утешившись ненапряженным взглядом,
Не подберется ненависть. Увлечь,

Куда копуше крошка не приснится,
Не примерещится еврею суета,
Где перья растопыривает птица,
Оставив снег немытого холста.

И пьяный слог представлю я к награде,
Неопытное небо шевеля,
Довольно мнимо, а не скуки ради,
Где разрывают душу тополя.

Стихотворение Т. Титовой – одна из крупниц «мозаики», составляющей панораму идей, мотивов и тем уральской поэзии. Мы попытаемся всмотреться только в одно стихотворение, чтобы выявить характерные черты поэтики.

Композиционно стихотворение состоит из трех частей-строф. В первом четверостишии задается мотив говорения, произнесения Слова в его процессуальности, длительности: «Гремит». Отчетливость произносимой речи подчеркнута аллитерацией на согласный [р]: «рассеянным», «недаровитым», «речь», «напряженным». Резкость и сила голоса противопоставлена «рассеянности» и «недаровитости», т.е. отсутствию способности говорить то, что говорить приходится.

Не стоит считать, что перед нами воспроизведение процесса речи, поскольку ее содержательный план полностью редуцирован. Зарождаясь в начале, мотив говорения сразу же сворачивается, превращая настоящее

время («гремит») в будущее («не подберется»). Временная разница подчеркнута добавлением отрицательного «не». Настойчивое повторение слов в принципе видоизменяет все объекты, наполняющие художественный мир: «недаровитым», «неоконченная», «ненапряженным», «не подберется», «не приснится», «не примерещится», «немытого», «неопытное», «не скуки ради». Происходит инверсия ценностных ориентиров.

Вместе с тем, превращение настоящей формы глаголов в будущую нельзя считать исчезновением времени. Перед нами именно «сворачивание» мотива, поверх которого «накладывается» второй – мотив свободного движения.

Во втором четверостишии мотив движения задан как на грамматическом («копуша» ← «копаться»), так и на образно-смысловом уровнях: «суета» как разнонаправленные движения, «птица» как возможность свободного полета, «растопырив перья», пустой «холст» как возможность творческого поиска и рефлексии по отношению к миру. Переход из движения речи в движение физическое маркирован стиховым переносом на границе строф: «Увлечь, / Куда копуше крошка не приснится», который действительно воспроизводит увлечение на уровне синтагмы.

Образ сна, опрокинутого в будущее время («не приснится»), создает ощущение иллюзорности всего происходящего:

Куда копуше крошка не приснится,
Не примерещится еврею суета,
Где перья растопыривает птица...

Картины повседневности «вырастают» из «рассеянной» речи, живут изнутри Слова. Данной связью оправдано повторное «разворачивание» процесса говорения в третьем четверостишии, обозначающее окончание рассказа, возвращение прерванного времени: «представлю» – «разрывают».

Важно не столько то, что образ Слова представлен «рассеянным» и «пьяным», сколько его способность к созиданию, творению поверх «снега немытого холста». Созидаемый смысл предельно обобщен, лишен всякой конкретики: перед нами не столько развитие переживания, сколько попытка пересоздания бытия, где главным «кирпичиком», фрагментом является Слово, которое видится поэту вечным.

Результативность такого пересоздания воплощает собой итог речи: «Довольно мнимо, а не скуки ради, / Где разрывают душу тополя». Стихотворение заканчивается образом мира, поглощающим душу говорящего. По сути, Слово полностью замещает лирического субъекта, а жизнь души подменяется ее «разорванностью».

Смысловая «разорванность» воплощается на ритмико-интонационном уровне. Стихотворение написано пятистопным ямбом с большим количеством пиррихий. Первая строка, написанная ямбом, по звучанию приближается к амфибрахию, воссоздавая неторопливое движение слов «рассеянным недаровитым рядом». «Громкости» второй строки соответствует уменьшение безударных слогов, строгая ямбическая строка с мужским окончанием. Третья строка вновь сменяет строгий ритм на плавный, повторяя по звучанию первую строку, получая женское окончание. Таким образом «неуверенности» первого четверостишия соответствует постоянное варьирование звучания стиха на ритмико-интонационном уровне.

Рассмотренное нами стихотворение интересно, прежде всего, попыткой сотворить собственный порядок из Слова. Попытка пересоздания оборачивается пониманием «разорванности» собственной души в координатах мироздания. Именно в них существует лирический герой. Поэтика стихотворения построена на постоянной смене смысловых акцентов, которым чужда любая конкретика. Именно человеком создается образ мира, оживающего посредством Слова.

Константин Козум, 5 курс

«Идти по воде»: грусть и надежда в стихотворении Е. Туренко «И забывать не навзрыд...»

И забывать не навзрыд,
и не обидно до слёз...
Северный ветер замёрз
и невесомо висит,

вздрагивая в тишине.
А возвращайся сюда,
долго иди по воде -
благо, сегодня зима.

Стихотворения Евгения Туренко – особая страница в истории уральской поэзии: он считается основателем нижнетагильской поэтической школы. «Свойством нового тагильского литературного языка станет его неопределимость. Никто до сих пор не смог внятно озвучить, определить это сумеречное состояние, это растворение человеческого в словесном, называемое «Нижнетагильским ренессансом»¹.

Для поэзии Е. Туренко характерны интонации отчаяния, агрессивная суггестия, постоянное взаимодействие высокого и низкого, как на уровне лексической организации текста, так и в содержательном плане стихотворения. Одним из таких поэтических текстов является «И забывать не навзрыд...».

¹ Билибин П. Ренессанс в отдельно взятом городе // Лидер (Челябинск), 2004.

Стихотворение рисует излюбленную всеми поэтами и уже ставшую банальной жизненную ситуацию: разлука с любимой и желание новой встречи.

Но Е. Туренко совершенно по-новому осмысляет эту тему. Автор избегает возведения в абсолют личного переживания, а отчаяние и безысходное одиночество не романтизированы. Ощущение глубокого страдания складывается благодаря прерывистому синтаксису. Спутанность мыслей передается с помощью союза «И», с которого начинается стихотворение. Этот союз, как правило, предполагает связь нескольких мыслей, то есть перед читателем стихотворение-фрагмент. То, что герой испытывал, то, что мучило его, продолжило свое существование не только в душе лирического героя, но и воплотилось в тексте.

Некоторую затуманенность сознания передают сочетания слов, которые обычно не сочетаются между собой. Слово «навзрыд» предполагает словосочетание со словом «плакать», а у Е. Туренко «навзрыд» причудливо сочетается с «забывать», да еще и с частицей «не»: «и забывать не навзрыд». В этих словах скрыта отчаянная и бессмысленная попытка забыть некогда близкого человека. Именно эта сдержанность не может не восхищать читателя.

Герой стихотворения слаб перед лицом несчастной любви, но боится этой слабости. Это чувство беззащитности проскальзывает в строке «и не обидно до слёз». Что-то хрупкое, детское слышится в этих словах.

Еще одна нота, звучащая в стихотворении, это смутное ощущение холода. Причем, несмотря на то, что это состояние маркируется физическим проявлением мороза: «Северный ветер замёрз и невесомо висит», читатель явственно чувствует, что таким образом передается ощущение экзистенциального холода, который испытывает одинокий лирический герой.

Еще один образ, органично связанный с ощущением холода и тоски, это замерзшая вода, лед, по которому лирический герой просит прийти, вернуться любимую. Но образ воды в стихотворении сопряжен не только с горечью разлуки. Дело в том, что этот образ воплощает в себе территорию города Нижнего Тагила, является знакомым для обрисовки художественного пространства. Нижнетагильский пруд – одно из самых красивых, светлых и самых романтических мест в сумрачном, неприветливом уральском городе.

Пруд – это место в городе, которое воплощает в себе свежесть юности, молодости. Когда говоришь об этом, вспоминаются и озябшие студенты, которые зимой «сокращают» путь до института, прокладывая тропки через пруд, и молодожены, которые приходят к пруду, чтобы сделать свадебные снимки на память, и шумные, веселые летние прогулки на катерах. А набережная пруда – излюбленное место, где назначаются свидания.

Таким образом, нижнетагильский пруд для поэта становится символом любви и надежды. Поэтому и не может быть для него другой стороны, откуда мог бы он ожидать явления своей возлюбленной: «А возвращайся сюда, / долго иди по воде – / благо, сегодня зима».

Последнее четверостишие характеризуется разговорной интонацией. Союз «А», который стоит вначале фразы-просьбы о возвращении, выглядит как незавершенный диалог (мысленный или реальный, читатель, пожалуй, додумает сам) с близким человеком. Эту чистую наивность, предельную искренность лирического героя и истинность его светлого чувства передает простенькая перекрестная рифма.

Таким образом, можно говорить о том, что в стихотворении Е. Туренко «И забывать не навзрыд...» выражена, при всей сухости стиха, необычайная нежность героя к героине. Здесь нет места буйству страстей, или пафосной поэтической возвышенности, или романтизации переживания. Перед нами реальное, не книжное, не романное, а живое страдание думающего человека. Причем страдание уже привычное, ставшее спутником героя. Тихая, спокойная, но неотступная грусть, усталость от разлуки и надежда на новую встречу есть содержание и эмоциональная доминанта стихотворения.

Ольга Ловцова, 3 курс

Ангел, черт и человек в стихотворении «На лесозаготовительном поприще...» Ивана Козлова (Пермь)

На лесозаготовительном поприще трудится Александр Петров.
Смена фиговая. Раздражен. Напилил недостаточно дров.
Еще этот ангел унылый читает нотации из-за плеча,
Крыльями хлопая. Мерзкий и вьедливый,
словно первый весенний гром кошачья моча.
“Ты — заурядное быдло, а из-за тебя меня премии квартальной лишат.
Ладно, другим не обидно — у них Дроботенко, Шурман,
Махмуд Ахмади Нежад.
А я в окрестностях Углеуральска вожусь непонятно с кем.
Зачем ты вчера прораба избил? Ты что, охренел совсем?
Зачем ты свинтил в сельпо четырнадцать банок консервированной кеты?
У Фраермана в теплицах кто стекла все выбил? Не ты?
Чертов антисемит, будь проклят тот день, когда я подписал договор,
По которому грязную душу твою на плечах своих ангельских пер
Сорок шесть лет. И все эти годы от тебя никакой благодати...
Чтоооо? Повтори, что сказал. Куда мне идти? Так вот, да?!
Ладно, давай. Протяни без меня хоть пару секунд, идиот!”
Ангел вытаскивает из рукава договор. Разворачивает и рвет.
ВНЕЗАПНО КРОВЬ МОЗГИ РАСЧЛЕНЕНКА

ПЕТРОВУ СРЕЗАЕТ ГОЛОВУ СЛЕТЕВШАЯ ЦЕПНАЯ ПИЛА!

Ангел вздыхает.

Квартальная премия уплыла.

Герой стихотворения этого стихотворения – типичный неудачник, человек, у которого в жизни нет целей, он ни к чему не стремится, не имеет ценностей. Человек, проживший 46 лет, не сумел сделать свою жизнь лучше и интереснее. Перед нами «заурядное быдло», вступившее в конфликт с существом, оберегающим его на протяжении всей жизни, и в один момент, утратившее все на свете.

На первый взгляд, кажется, что этот текст писал разраженный человек, измученный проблемами и жизненными трудностями, стремящийся выразить недовольство миром, окружающей средой. Но потом понимаешь, что «я» в стихотворении – не лирический герой самого автора, а некий персонаж, «другой», работяга (человек из народа), а автор внимательно в него вглядывается.

Стихотворение необычно тем, что в нем представлен монолог не самого простого человека, а ангела. Читаешь стихотворение и задумываешься: а что бы мне сказал мой ангел-хранитель? А вдруг, когда я надоем моему ангелу, он расторгнет наш договор?

Очень интересно видение автором сакральной стороны человеческого бытия – оно какое-то двусмысленное.

В стихотворении, на мой взгляд, представлено парадоксальное сочетание: ангел, существо божественное, оберегающее жизнь человека, предстает в роли убийцы. Ангел является перед нами в образе некоего начальника, бригадира на лесозаготовках, который говорит своему подчиненному: «Работай, важна квартальная премия, а ты тут непонятно чем занят! Твоя грязная душонка мне настолько надоела, что я уже проклял тот день, когда...» и так далее, т.е. перед нами в буквальном смысле тщательно маскирующийся тиран.

А что можно сказать о том, что ангел называет человека «чертовым антисемитом»? Ведь Христос был распят евреями, а в данном контексте хранитель винит героя текста некоего Александра Петрова в нелюбви к евреям, приписывая антисемитизм черту. Кроме того, согласно легендам, договор человек подписывает с дьяволом, а не ангелом.

Итак, достаточно противоречивый образ ангела создан автором. Быть может, это совсем не ангел? Может, это перевоплощенный сатана? А может быть, автор хотел показать, что в современном мире ценности утратили свой смысл, и даже у таких существ, как ангелы, нет ничего святого, а только корысть, стремление к наживе? Показана холодная расправа с тем, кто не сдержал своего слова, но учинил расправу кто? Ангел-хранитель!

Трудно совместить с образом хранителя и то, что он говорит. Разве ангелы могут так выражаться? Разве могут ангелы угрожать? А проклинать? А черта вспоминать? Нет! На месте этого ангела представляешь маленького человечка, облеченного во все белое, с красивыми крылышками, но с раскрасневшимся от злости лицом и пышащим изо рта и ноздрей паром.

Опираясь на текст, можно сделать вывод о том, что действие, описываемое автором, происходит в одном из уральских городов - «в окрестностях Углеуральска». Уголь – камень, Уральск второе слово в названии этого города. Таким образом, можно сделать вывод, что место, представленное поэтом, это уральский леспромхоз. Время, вероятнее всего, тоже конкретное – сегодняшний день. Но вот события, происходящие в данном хронотопе, выглядят как хаос и абсурд. Все перемешалось: и божественное, и человеческое, и дьявольское. Стихотворение написано в соответствии с культурной эпохой XXI века, эпохой постмодернизма.

Интересен и индивидуальный стиль автора. Использование парцелляций придает интонации стихотворения жесткость, четкость, строгость и обрывистость. В самом начале стихотворения этими конструкциями как бы задается тема. Обозначаются причины, повлекшие разлад между человеком и его «ангелом».

Рифма выстроена так, что мы чувствуем интонацию размышления, приближающуюся к монологической речи. Автор достигает эффекта причитания. Ангел возмущен, он недоволен, высказывает все своему «подопечному», быть может, с целью проучить его, сделать лучше, но лишь только распалается сам (а гнев – это ведь грех) и совершает убийство. В конце стихотворения строки прозы выделены крупным шрифтом, что и показывает исход, показывает разрешение конфликта.

Обилие вопросов, остающихся без ответов, способствует усиленному выражению гнева, злости и раздражительности.

Использование Иваном Козловым жаргонизмов, просторечий, сленговых форм создает экспрессивную окраску речи. Очень интересна строка, в которой зачеркнуто целое словосочетание, а вместо него вписано наиболее грубое, но очень экспрессивное и как следствие, наиболее выразительное, как для самого автора, безусловно, так и для читателя. Читатель может сразу, не прилагая усилий понять, насколько был вьедлив ангел, если вообразит написанное далее.

На мой взгляд, произведение имеет глубокий смысл. Чтобы его понять, его нужно прочитать не один и не два раза. Возможно, в нем скрыто гораздо больше смыслов, чем показалось мне, а может быть, автор вовсе и не думал ни о чем таком, а просто под воздействием вдохновения сел и написал. Но факт в том, что об этом произведении можно говорить, можно много говорить, а это значит, что стихотворение, созданное этим поэтом, не просто набор слов, а выражение мыслей, противоречивых чувств и различных эмоций. Спасибо Ивану Козлову!

Марина Анварова, 5 курс

Хрупкий гламур в стихотворении Е. Симоновой «Очки в большом городе»

1

37-я улица и пятая авеню
 холи голайтли выходит из желтенького такси
 разламывает булочку бриллиантовая пыль
 сахарная пудра нью-йоркское конфетти

холли голайтли снимает черепаховые очки
 скрывающие ее настоящее лицо
 (ч/б глянцевоe – не ее)
 мы не увидим его как задумано камера далеко

холли голайтли видит в витрине пудреницу из серебра
 рассеянно стряхивает сахарную пудру с манжет
 холли голайтли счастлива когда она –
 маленькое черное платье и жемчужный браслет

2

холли голайтли хранит телефон в чемодане
 вытаскивает чемодан из-под кровати
 мнет юбку теряет шейный платок
 опаздывает (шучу) на каток

чемодан пахнет как дорогие ботинки
 как мужчина как глянцева я картинка
 холли гладит его по холеной щеке
 уплывает по лунной реке

снова снимает свои рэй-бэн
 роняет грязный бокал упускает момент
 шелковые чулки висят на спинке кровати
 (на сегодня пожалуй холли голайтли хватит)

Стихотворение мне понравилось тем, что в нем удачно используется прием аллитерации. Крошки разломленной булочки превращаются в «бриллиантовую пыль» под чередование звуков [б], [л], создающих ощущение легкого звона. Повторение в словах «пыль» и «пудра» звука [п], созвучие слов «пудреница» и «пудра», стоящих рядом (в 3-ей строфе), эпитеты «бриллиантовая», «из серебра» наполняют мир стихотворения мелкими блестящими пылью, как серебристым туманом.

В этом мире ложного блеска и «нью-йоркского конфетти», символизирующими условность пространства, пребывает холи голайтли. Ее лицо, как и настоящее имя, скрыто: вместо лица черепаховые очки, которые находятся на «не её» «ч/б глянцевоm» лице. В 3-ей строфе вместо человека – только костюм: «холи голайтли счастлива когда она – маленькое черное платье и жемчужный браслет».

Вторая часть стихотворения, как и первая, наполнена блеском («дорогие ботинки», «глянцева картинка», «холена щека», «лунная река») и сменяемыми одно за другим действиями героини («достаёт», «теряет», «уплывает» и тд.).

Но, кажется, стоит дунуть – и серебряная пыль исчезнет, останется мир бытовых вещей: булочка, очки, пудреница, телефон, чемодан, щека, река, бокал, чулки. Вещность реального мира также передает чередование звуков [т], [к] во второй строчке первой строфы, имитирующих звук колес притормаживающей машины, – обозначает точку начала действия то ли фильма, то ли чьей-то жизни. Чередование звуков [ч], [ш] в 1-ой строфе 2-ой части позволяет услышать звуки передвигаемого чемодана, шуршание одежд.

Обращает на себя внимание необычное построение стихотворения: в нем отсутствуют заглавные буквы и знаки препинания. Это не поток сознания или каких-то чувств, переживаний. И то и другое в стихотворении отсутствуют. Читателю представлен только лишь, как ни странно это прозвучит, «очередной» миг не бытия, а обыденной жизни, который является не отражением момента «проживания», а игры. Ощущение «игрушечности» пространства создают отдельные детали («желтенькое такси»).

Непонятно, автор показывает фрагмент съемки фильма или он сам смотрит на мир как будто с точки зрения оператора, режиссера: «мы не увидим его как задумано камера далеко». Безличное «как задумано» лишает возможности понять временные границы происходящего. Кем «задумано»? Режиссером, сценаристом, самим автором?

Скорее всего, в стихотворении Е. Симонова представлена момент съемок фрагмента телесериала, определив основные черты жанра этого вида «искусства»: отсутствие характерного героя, бессмысленные, бесконечные действия, совершаемые персонажем-куклой на фоне красивых декораций. А может быть, Е. Симонова создает образ девушки, утратившей ощущение реального мира и воплотившей «идеалы» гламура в жизнь. Не случайно в ее имени преобладает звук [о], вызывающий ассоциацию бегущего колеса, чередование [х] и [г] создают ощущение ее движения в никуда.

Организация стихотворения позволяет выразить отношение поэтессы к изображаемому миру. Все строки имеют разный размер, рифма нарушена, что создает ощущение хаоса, диссонанса. Мир, воссозданный в стихотворении, – мир дисгармонии, пустоты.

Татьяна Тарасенко, магистрант

Попытка диалога: стихотворение Александра Вавилова «Дурак и Донателло»

Какая скука! Тихо на балконе
 Друг друга подменяют январь...
 Так Донателло говорил Цукконе:
 «Поговори со мной! Поговори!»

А тот молчал. Молчал и думал смело,
 Что в голове у скульптора бардак.
 Казалось бы, дурак и Донателло...
 Но каждый верит, что не он дурак.

Пусть даже флорентийские подростки
 Кричат Цукконе громко: «Идио-о-от!»
 ...
 Мне не кричат. Но я живу в Свердловске.
 Тут менее общительный народ.

Хотя я как-то ближе к Донателло.
 Стихам внушаю: «Классика, пари!»
 Своим стихам. Хотя не в этом дело ...
 Они парят, но тихо январь

Друг друга подменяют на балконе,
 От скуки – диалоги со стеной...
 Так Донателло говорил Цукконе:
 «Поговори! Поговори со мной!»

Увидев Донателло, те подростки
 Кричали: «Гений, это правда ты?»...
 ...
 Мне не кричат. Но я живу в Свердловске.
 Здесь все же не Флоренция...
Кранты.

Александр Вавилов родился в 1982 г. в Свердловске. Публиковался в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Наш современник», «Нева», «Звезда». Победитель нескольких фестивалей и слэмов. Лауреат премии журнала «Урал». Автор книг «Итальянский ноктюрн» и «Флорентийский блюз». Но это – внешняя сторона жизни, а сущность, конечно, в самом творчестве. В целом его поэзия достаточно цельная, единая по духу (не случайно стихотворения не датируются), он разрабатывает несколько глобальных тем, среди которых почетное место занимает диалог в наиболее широком смысле этого слова. При этом современность у Александра проглядывает через исторические параллели, а Свердловск наших дней переплетается с Италией эпохи Возрождения и древней Грецией, факты истории искусств обрастают новыми значениями. Поэтому стихотворение «Дурак и Донателло» интересно для анализа – оно вмещает именно то, что характерно для поэтической системы автора.

Донателло действительно разговаривал со своим Цукконе – лысым стариком, пророком Аввакумом. Но это свидетельство поразительного жизнеподобия фигуры становится у Вавилова символом глобального одиночества, где творцу и поговорить не с кем, кроме своего творения, а оно, как на зло, неприглядно, как Цукконе, и разговорчиво, как стена. Диалог, где «каждый верит, что не он дурак», очевидно, не конструктивный. Нет ответа и выкрикам флорентийских подростков, а в современности – и таковых нет: «Тут менее общительный народ». И эта безвыходность дополняется паузами-многоочиями, которых к концу стихотворения становится все больше, словно слов не хватило, словно диалог не состоялся, а финал остался открытым. Январь подменяют друг друга, но скука не убывает.

Неоднозначно и название. К образу скульптора идет две параллели: Цукконе и лирический герой, который «как-то ближе к Донателло». И кто из них ...?

Наталья Кочурова, магистрант